

Таким образом, даже краткий анализ некоторых стилевых категорий в вариантах героического сказания «Алтай-Буучай» позволяет характеризовать их как типичные образцы художественной фактуры устной эпической поэзии алтайцев, которые сохранили свою значимость и ценность по сегодняшний день. Согласно характерной для художественной системы эпоса тюрко-монгольских народов канонизированности содержания и поэтической системы, сюжетно-композиционная линия в вариантах сказания «Алтай-Буучай» традиционно начинается с описания земли богатыря, его родовых мест, его коня и т.п. После этого объявляется событие – завязка, за которым выстраивается очерёдность событий, составляющих основное содержание сказания. Каждый вариант предстаёт как сугубо самостоятельный словесно-художественный памятник, несущий в себе перенятую от поколений сказителей-предшественников наполненность содержания, в которой реализуются каноны стиля и поэтики эпоса. У каждого сказителя имеется собственная исполнительская манера и у каждого существует во многом неповторимый лексический словарь и в целом эпический язык, вбирающий и особенности традиционной культуры определённой этнической среды.

Алтай баатырлар (Алтайские богатыри). Горно-Алтайск, 2013.

Баскаков Н.А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалект черневых татар (туба кизи). Тексты и переводы. М.: Наука, 1965.

Казагачева З.С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын». Аспекты текстологии и перевода. Горно-Алтайск, 2002.

Калачев А. Былина об Алтай-Бучае // Живая старина. СПб., 1896. Вып 3–4. С. 492–499.

Кудияров А.В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

Кузьмина Е.Н. О систематизации типических мест героического эпоса народов Сибири // Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): Экспериментальное издание. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. С. 5.

Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.

Никифоров Н.Я. Анонский сборник. Собрание сказок алтайцев с примечаниями Г.Н. Потанина. Омск, 1915.

Суразаков С.С. Героическое сказание об Алтай-Буучае. Исследование и тексты. Горно-Алтайск, 1961.

Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1985.

Улагашев Н.У. Чёрчэктёр. Ойрот-Тура: Ойротоблаңиздат, 1941.

Мотив и сюжет

Т.А. Голованева

Сопоставительный анализ вариантов сюжета «Большой Ворон (Куткынныку) и мыши» в фольклоре оленных коряков (чавчувенов), оседлых коряков (нымылан), ительменов, кереков

Аннотация. Сюжет «Куткынныку и мыши» является одним из самых популярных на Камчатке. Его бытование зафиксировано у ительменов, береговых коряков (нымылан), оленных коряков (чавчувенов), у кереков. Из пяти выделенных наиболее устойчивыми являются два эпизода – ‘мыши пришивают красные шерстинки к глазам Большого Ворона’ и ‘мыши разрисовывают лицо Большого Ворона’. Этим двум эпизодам присуща очень высокая степень сохранности. Несмотря на то, что быт аборигенных народов Камчатки сильно изменился, приметы древнего времени устойчиво сохраняются в тексте мифологической сказки в настоящее время. В ительменских вариантах, в отличие от корякских, последовательно отсутствует эпизод ‘мыши пришивают к заднице Большого Ворона пузырь’. Вероятно, утрата этого эпизода связана с ранней христианизацией ительменов и приобщением к русской культуре. Варианты, записанные от оседлых коряков, являются наиболее полными по составу эпизодов. Особенностью нымыланских вариантов сюжета является наличие финального эпизода, в котором Большой Ворон находит невесту для своего сына Амамкута. Наименьшая сохранность сюжета наблюдается в текстах кочевых коряков: утрачивается связь между эпизодами, отдельные эпизоды подаются как целостные законченные тексты, состав эпизодов сильно сокращается. Керекский фольклор как явление к настоящему времени полностью исчез.

The plot “The Big Raven (Qutkinnaqu) and mice” is one of the most popular in Kamchatka. Its existence was recorded among the Itelmens, Maritime Koryaks (Nymylans), Reindeer-Breeder Koryaks (Chavchuvens) and the Kereks. Of five selected plots the most resistant to temporal changes are two episodes: ‘mice sew some red hairs to the eyes of the Big Raven’ and ‘mice paint the face of the Big Raven’.

These two episodes are the best preserved ones. Although the life of aborigines of Kamchatka has changed a lot, the signs of old times are well-preserved in the text of the mythological tale at present. In the Itelmens' versions, unlike to the Koryaks' ones, there is a consequently missing episode 'mice attach a bubble to the bum of the Big Raven'. The loss of this episode is probably linked to the fact of early Christianization of the Itelmens and their introduction to Russian culture. The versions collected from the settled Koryaks make the most complete composition of the episodes. The main feature of the Maritime Koryaks' version is the plot of the final episode: 'the Big Raven finds a bride for his son Amamqut'. Extreme lack of the plot preservation is observed in the texts of the Reindeer-Breeder Koryaks: the links between episodes are lost; separate episodes are presented as full and complete texts, composition of the episodes is extremely cut off. The Kerek folklore as phenomenon has completely disappeared at present.

Ключевые слова: корякский, ительменский фольклор, мифологический эпос, Вороний цикл, трикстер, сюжет, вариант, эпизод, детализация, индивидуально-авторское начало, локальная традиция.

Maritime Koryak, Reindeer Koryak, Itelmen, folklore, mythological epos, Raven's cycle, the trickster, the plot, the option episode, detailing, the author's individual start, the local tradition.

УДК: 398.22(=551.3).

Контактная информация: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Институт филологии СО РАН, сектор фольклора народов Сибири. Тел./факс: (383)330-14-52. E-mail: gta-77@mail.ru.

Один из самых распространённых и самых устойчивых сюжетов в фольклоре аборигенных народов Камчатки – это сюжет «Куткыннюку и мыши». На протяжении всего XX в. фольклор Камчатки собирали и записывали крайне неравномерно, эпизодически, тем не менее у нас имеется 18 зафиксированных от разных рассказчиков вариантов этого сюжета. В данной статье представлен сопоставительный анализ эпизодов, реализованных в различных вариантах сюжета «Куткыннюку и мыши». Главная цель исследования – выявить наиболее устойчивые и, напротив, вариативные элементы в структуре эпизодов.

Таблица 1

Зафиксированные варианты сюжета «Куткыннюку и мыши»

№ вар.	Год записи текста	Место записи текста	Этнос ¹⁴ , субэтнос	Рассказал	Записал	Публикация ¹⁵
I	1741	р. Тигиль Тигильского р-на	ительм.	нет данных	Г.В. Стеллер	Стеллер 1999: 151–153
II	1900	с. Каменское Пежинского р-на	нымыл. ¹⁶	Па'џа, береговая корячка	В.И. Иохельсон	Johelson 1908: t. 88
III	1901	р. Апука Олюторского р-на	чавчув.	Олений коряк (имя не указано)	В.И. Иохельсон	Johelson 1908: t. 130
IV	1901	нет данных	чавчув.	нет данных	В.Г. Богораз	Bogoraz 1917: t. 2
V	1929	с. Утхолок Тигильского р-на	ительм.	М. Заев	Е.П. Орлова	Орлова 1999: 154–155; Меновщиков 1974: т. 202

¹⁴ Этническая (субэтническая) принадлежность текста определялась по ссылке, сопутствующей публикации текста. Принятые в статье сокращения: ительм. – ительменский, чавчув. – чавчувенский, нымыл. – нымыланский, керек. – керекский. Часть текстов опубликована только на русском языке (см. сведения о фольклорных текстах, использованных в статье).

¹⁵ Здесь и далее в статье используются сокращения: т. и т. – текст.

¹⁶ В данной статье корякские фольклорные тексты рассматривались дифференцированно: чавчувенские тексты – тексты, записанные от коряков оленеводов (чавчувенов); нымыланские – от оседлых коряков (нымылан).

VI	1964	с. Ковран Тигильского р-на	ительм.	П.П. Шадрин, 1895 г.р.	Н.К. Старкова	Меновщиков 1974: т. 180
VII	1960– 1970	нет данных	нет данных	нет данных	В.Н. Малюкович	Малюкович 2001: 57–61
VIII	1960– 1970	нет данных	чавчув.	Геннадий Ночавич Кычгенка, 1939 г.р., уроженец с. Белоголовое Тигильского р-на	А.Н. Жукова	Жукова 1988: т. 17
IX	1960– 1970	с. Карага Карагинского р-на	нымыл.	Анастасия Ивановна Лазарева, 1938 г.р., уроженка о-ва Карагинского	А.Н. Жукова	Жукова 1988: т. 47
X	1970	с. Майныпиль- гино Беринговского р-на	керек.	Кальгичану, 1916 г.р., уроженка с. Майныпильгино Беринговского р-на	В.В. Леонтьев	Меновщиков 1974: т. 119
XI	1992	п. Оссора Карагинского р-на	нымыл..	Василий Николаевич Чечулин, 1942 г.р., уроженец с. Анапка Карагинского р-на	Экспедиция ИФЛ СО РАН и НГК им. М.И. Глинки	Архив Мальцевой: т. 80
XII	2004	с. Вывенка Олюторского р-на	нымыл.	Вера Васильевна Васагиргина, 1944 г.р., уроженка с. Вывенка Олюторского р-на	Экспедиция ИФЛ СО РАН	Архив Мальцевой: т. 4
XIII	2004	с. Вывенка Олюторского р-на	нымыл.	Мария Васильевна Камак, 1958 г.р., уроженка с. Вывенка Олюторского р-на	Экспедиция ИФЛ СО РАН	Архив Мальцевой: т. 19
XIV	2004	с. Вывенка Олюторского р-на	нымыл.	Анна Егоровна Мулитка, 1926 г.р., уроженка с. Вывенка Олюторского р-на	Экспедиция ИФЛ СО РАН	Архив Мальцевой: т. 43
XV	2004	п. Тигиль Тигильского р-на	ительм.	Валентина Ивановна Успенская (Беккерова), 1941 г.р., уроженка с. Седанка Оседлая Тигильского р-на	В.И. Успенская (самозапись)	Успенская 2004: т. 2
XVI	2006	п. Палана Тигильского р-на	нымыл.	Белоусова Варвара Кондратьевна, 1930 г.р., уроженка с. Лесная Тигильского р-на	Экспедиция ИФЛ СО РАН	Архив Мальцевой: т. 137
XVII	2010	п. Нагорный Петропавлов- ского р-на	чавчув.	Симонова (Кергыльхот) Александра Алексеевна, 1951 г.р., уроженка с. Ветвей Олюторского р-на	Т.А. Голованёва, А.А. Мальцева	Симонова 2010: т. 12 (Архив ИФЛ СО РАН)
XVIII	2013	нет данных	ительм.	нет данных	А.А. Смышляев	Смышляев 2013: 137–139

Полный вариант включает в свой состав шесть устойчивых эпизодов, первоначально связанных между собой:

I. Куткыннюку отбирает у мышей их добычу.

II. Мыши воруют у Куткыннюку ту еду, которую он ранее отобрал у них.

III. Куткыннюку идёт в мышиное селение мстить. Мыши пришивают к заднице Куткыннюку пузырь.

IV. Куткыннюку идёт в мышиное селение мстить. Мыши пришивают к глазам Куткыннюку красные шерстинки, и Куткыннюку думает, что его дом горит.

V. Куткыннюку идёт в мышиное селение мстить. Мыши разрисовывают лицо Куткыннюку, и он влюбляется в своё отражение в воде. Куткыннюку бросается в воду и тонет.

VI. Морским течением Куткыннюку относит к незнакомому берегу, где он находит хорошую невесту для своего старшего сына Амамкута.

Состав и порядок следования эпизодов может варьироваться. В некоторых вариантах присутствует один или два эпизода от всего сюжета. В таблице 2 представлены данные, показывающие степень устойчивости выделенных эпизодов в различных вариантах сюжета «Куткыннюку и мыши».

Таблица 2

Наличие в зафиксированных вариантах основных эпизодов сюжета «Куткыннюку и мыши»

№ вар.	Год записи	Субэтнос	Устойчивые эпизоды					
			I	II	III	IV	V	VI
			Куткыннюку отбирает у мышей их добычу	Мыши воруют у Куткыннюку еду	Мыши пришивают к заднице Куткыннюку пузырь	Мыши пришивают красные шерстинки к векам Куткыннюку	Мыши разрисовывают лицо Куткыннюку, он тонет	Куткыннюку находит невесту для своего сына
I	1741	ительм.	+	+	+	+	+	-
II	1900	нымыл.	+	+	+	+	+	+
III	1901	чавчув.	+	+	+	+	+	-
IV	1901	чавчув.	+	+	-	+	-	-
V	1929	ительм.	+	+	-	+	+	-
VI	1964	ительм.	-	-	+	+	+	-
VII	1960–1970	?	+	+	-	+	+	-
VIII	1960–1970	чавчув.	-	-	+	+	+	-
IX	1960–1970	нымыл.	-	-	-	+	+	-
X	1970	керек.	+	+	-	+	+	-
XI	1992	нымыл.	+	+	-	+	+	+
XII	2004	нымыл.	+	+	+	+	+	+
XIII	2004	нымыл.	-	+	+	+	+	-
XIV	2004	нымыл.	+	+	+	+	+	+
XV	2004	нымыл.	+	+	-	+	-	-
XVI	2006	нымыл.	+	+	+	+	+	-
XVII	2010	чавчув.	-	-	-	+	-	-
XVIII	2013	ительм.	-	-	-	+	+	-

Таблица отражает закономерность: отсутствие эпизода I влечёт за собой утрату и эпизода II (варианты VI, VIII, IX, XVII, XVIII). Связано это с тем, что эпизод I и эпизод II логически неразрывно связаны между собой: если Куткыннюку не отбирал добычу у мышей, то на каком основании мыши придут воровать еду у него?

Только в сказках береговых коряков (нымылан) присутствует финальный эпизод VI 'Куткыннюку находит хорошую невесту для своего сына'. Ни в ительменских вариантах, ни в сказках кочевых коряков (чавчувенов) этого эпизода нет. Напротив, в нымыланских вариантах эпизод 'Куткыннюку находит невесту для своего сына' устойчив. Этот эпизод в составе сюжета «Куткыннюку и мыши» был зафиксирован ещё В.И. Иохельсоном в 1900 г. (вариант II). Более чем через 100 лет, в начале XXI в., записи, сделанные А.А. Мальцевой (варианты XI, XII, XIV), подтверждают сохранность этого эпизода

в некоторых современных аллюторских вариантах сюжета «Куткыннюку и мыши». Ительменский, чавчувенский, нымыланский варианты сюжета имеют один общий источник, но в локальных этнических традициях эти сюжеты развились по-разному. В частности, в нымыланском варианте сюжет «Куткыннюку и мыши» был внесён в общий фольклорный контекст, где одна из главных сюжетобразующих линий: поиски Большим Вороном Куткыннюку невесты для своего старшего сына Амамкута.

В ительменских текстах (варианты V, VI, XVIII, XV) гораздо менее устойчив, чем в других локальных этнических традициях, эпизод, в котором мыши пришивают к заднице Куткыннюку мешок. В ительменском варианте (I), записанном Г.В. Стеллером в 1741 г., этот эпизод ещё присутствует, но в записях XX в. его уже нет. Возможно, это связано с ранней христианизацией ительменов и приобщением их к русской традиции. В её рамках эпизод о пришитом к заднице пузырьре воспринимается как неприятный, стыдный и в связи с этим утрачивается.

Наибольшая устойчивость во всех локальных этнических вариантах сюжета «Куткыннюку и мыши» присуща эпизодам ‘мыши пришивают красные шерстинки к векам Куткыннюку’ и ‘мыши разрисовывают лицо Куткыннюку’.

В камчатском фольклоре оппозиция персонажей *Куткыннюку / мыши* инициирует развитие анекдотической сюжетной ситуации. Прodelки мышей, казалось бы, должны были стать базой для формирования бесконечной серии анекдотов о том, как мыши издеваются над Куткыннюку. Однако этого не происходит. Выделенные эпизоды полностью исчерпывают сюжетную линию «Куткыннюку и мыши».

Как уже отмечалось, образная система этого сюжета во всех своих вариантах характеризуется устойчивостью. Главный герой – Большой Ворон Куткыннюку. В разных этнических и локальных традициях его имя варьируется: Куйкыннюку, Куткыннюку, Кусхлэнку, Кутх, Кукки. Жена Большого Ворона во всех этнических традициях камчатских народов – Мити, только в ительменском варианте 1741 г. – Хахи. В рассматриваемом сюжете Куткыннюку соперничает с мышами. В разных вариантах мыши представлены с разной степенью подробности. В изображении этих героев наблюдается вариативность (табл. 3).

Таблица 3

**Особенности изображения персонажей (мышей)
в этнических вариантах сюжета «Куткыннюку и мыши»**

Персонафикация героев сказки	Вариант	Этнос, субэтнос	Год записи
Человек-Мышь, Женщина-Мышь (Старшая Мышь, Мышиная мать), Маленькая мышка, Мышки-дочери, Мыши	II	нымыл.	1900
	IV	чавчув.	1901
Бабушка-Мышь (Мышиная Мать), Маленькая мышка, Мышки-сестрички, Мыши	X	керек.	1970
	XVI	нымыл.	2006
Мышиная мать, Маленькая мышка (Мышонок), Мыши	IX	нымыл.	1960–1970
	VII	нет данных	1960–1970
	XII	нымыл.	2004
Маленькая мышка, Мышки-сестрички, Мыши	XI	нымыл.	1992
Маленькая Мышка (Мышонок), Мыши	I	ительм.	1741
	V	ительм.	1964
	XIV	нымыл.	2004
Мыши (изображены не персонафицированно)	III	чавчув.	1901
	VI	ительм.	1964
	XIII	нымыл.	2004
	XV	ительм.	2004
	XVII	чавчув.	2010
	XVIII	ительм.	2013

Редукция образной системы происходит за счёт утраты индивидуализированных персонажей. Особенности образной системы непосредственно связаны с особенностями локальной традиции. Так, в чавчувенском варианте 1901 г., зафиксированном В.И. Иохельсоном (вариант III), система персонажей предельно упрощена. В то же время в нымыланском тексте 1900 г. система персонажей является наиболее разработанной (вариант II).

Редукция образной системы непосредственно коррелирует с периодом фиксации текстов: в нымьланских текстах начала и середины XX в. система персонажей разработана более подробно, чем в текстах начала XXI в. Постепенно персонификация вытесняется обобщённым изображением: герои сказки лишаются индивидуальных особенностей, предстают как нераздельная группа.

Наименее устойчивым оказался образ Мышиной матери (Бабушки, Старшей мышинной женщины). Возможно, это связано с тем, что в середине XX в. под влиянием советского уклада роль старшей женщины в семьях береговых и оленных коряков несколько изменилась. В прошлое ушёл семейный шаманизм, хранительницей которого являлась старшая женщина в семье.

Оппозиция *мужское / женское: Куткыннюку / Мышиная мать* в нымьланских текстах начала XX в. ещё была существенна для данного сюжета, но уже к середине XX в. эта оппозиция с утратой образа Мышиной женщины совершенно стирается. При этом отсутствие в тексте Мышиной женщины (Мышиной матери / Мышиной бабушки / Старшей мыши) не влияет на логику событий. Основные эпизоды сохраняются, несмотря на упрощение образной системы. Деятель (персонаж) может быть представлен абстрактно, как некоторая группа. Всё внимание рассказчика обращено на изображение самого действия.

Эпизод I: 'Куткыннюку отбирает у мышей их добычу'.

Развитие сюжетного действия начинается с того, что Куткыннюку отбирает у мышей их добычу. Наличие этого эпизода в тексте придаёт сказке оттенок назидательности – все последующие издевательства над Куткыннюку есть не что иное, как справедливое возмездие за его жадность и вероломство.

Эпизод 'Куткыннюку отбирает у мышей их добычу' реализуется в нескольких основных вариантах.

Таблица 4

Варианты эпизода 'Куткыннюку отбирает у мышей их добычу'

Куткыннюку, попросив мышей поискать у него в голове вшей, находит спрятанную ими добычу	Мышь, желая скрыть от Куткыннюку свою добычу, говорит, что это папка или дерево, но Куткыннюку обнаруживает обман	Куткыннюку отбирает добычу у мышей, притворяясь, что хочет помочь донести добычу до мышинного дома	Куткыннюку просто отбирает добычу у мышей (без подробностей)	Эпизод полностью отсутствует
Вариант I 1741 г., ительм.	Вариант III 1901 г., чавчув.	Вариант XV 2004 г., ительм.	Вариант XVI 2006 г., нымьл.	Вариант VI 1964 г., ительм.
Вариант II 1900 г., нымьл.	Вариант V 1929 г., чавчув.			Вариант VII 1960–1970 гг., чавчув.
Вариант IV 1901 г., чавчув.				вариант IX 1960–1970 гг., нымьл.
Вариант VII 1960–1970 гг., нет данных				вариант XIII 2004 г., нымьл.
Вариант X 1970 г., керек.				вариант XVII 2010 г., чавчув.
Вариант XI 1992 г., нымьл.				вариант XVIII 2013 г., ительм.
Вариант XII, 2004 г., нымьл.				
Вариант XIV 2004 г., нымьл.				

В ранних записях сюжета «Куткыннюку и мыши» в эпизоде 'Куткыннюку отбирает добычу у мышей' последовательно проявляется мотив вычёсывания вшей:

Когда Кутка подошел к мышам и заметил следы зарытого в песок тюленя, он спросил: «Чей это след?» На это мыши ответили: «Мы возились тут с этой молодой мышью и таскали ее за ноги по песку». Когда Кутка заметил обман и распознал следы, он сказал одной мышши, что он хотел бы

поспать, прислонясь к ней; она же пусть почесет ему голову и поищет у него вшей¹⁷ [Стеллер 1999: 151; вар. П].

В некоторых вариантах эпизод 'Куткыннюку отбирает у мышей их добычу' чрезвычайно подробен. Он насыщен мелкими деталями:

Когда они [мыши] увидели приближающегося Большого Ворона, они бросились через нерпу и покрыли ее полностью, ведь они боялись, что Большой Ворон заберет это у них, когда увидит. Большой Ворон подошел к детям мыши и сказал:

– Вошки! Моя голова!

Но ни одна из мышек не стала вычесывать ему вшей.

Наконец маленькая мышка сказала:

– Я сделаю это.

Когда она начала вычесывать голову Большого Ворона, остальные детки-мышки также покинули нерпу и присоединились к маленькой мышке [Johelson 1908: t. 88; вар. П].

Вычёсывание вшей – художественная деталь, непосредственно связанная с реальной действительностью. В силу объективных обстоятельств ещё в начале XX в. вши были естественным явлением бытовой жизни аборигенных народов Камчатки: «Коряки давят вшей зубами и смотрят на них как на непремennую принадлежность здорового человека» [Иохельсон 1997: 26]. Вычёсывание вшей – занятие, доставляющее удовольствие и тем, кто вычёсывает и тем, кому вычёсывают. В середине XX в. меняется жизненный уклад в сёлах Камчатки. Санитарные нормы приближаются к цивилизованным. Педикулёз как неотъемлемое явление бытовой жизни коряков уходит в прошлое. Изменения в бытовом укладе влияют на особенности художественной детализации текста. В вариантах, записанных в начале XX в., мотив вычёсывания вшей проявляется с гораздо большей последовательностью, нежели в текстах начала XXI в. Мотив вычёсывания вшей «окультуривается»:

Лег Куткыннюку на песок около нерпы, стал рассказывать сказку. Мыши внимательно слушают. Заслушались, даже забыли, что обещали Куткыннюку волосы расчесывать [Малюкович 2001: 57; вар. VI].

В устном бытовании мотив вычёсывания вшей в современных текстах уже не является устойчивым. Происходит постепенная редукция эпизода. В частности, в двух текстах, записанных А.А. Мальцевой в 2004 г. в с. Вывенка Олюторского района, мотив вычёсывания вшей в эпизоде I сохранился:

Пришел он [Куткыннюку]. Они [мыши] облепили нерпушку.

–Здравствуйте, племянницы! Что делаете?

–Нерпушку нашли.

–Ну-ка, племянница, поищи у меня вошек.

– Не хочу я искать вшей. Делая кошелек, пальцы испортила.

Отказываются все мыши. Тогда [обратился Куткыннюку] к маленькому мышонку:

– Ну-ка, поищи у меня вошек.

– Ну ладно, поищу.

Начал искать. Вся голова в жуках [Архив Мальцевой: т. 4; вар. XII].

Подошел Куткыннюку к нерпушке. Маленькая нерпа. Мышата ее окружили.

– Детки, что делаете?

– Нерпушку нашли.

– Ну-ка, поищите у меня вошек. Вся голова в жуках (с полосками).

Старшие не убивают (притворяются). Маленький мышенок только по-настоящему убивает их (вошек) [Архив Мальцевой: т. 43; вар. XIV].

В другом варианте сказки «Куткыннюку и мыши», записанном также в 2004 г. в том же самом с. Вывенка, эпизод I сильно редуцирован:

Выброшенную на берег нерпу нашел и принес домой. Вечером сварили эту нерпу [Архив Мальцевой: т. 19; вар. XIII].

Такое непостоянство в воспроизведении одного и того же эпизода, в одно и то же время, в одном и том же селе свидетельствует о том, что началась постепенная редукция эпизода. Если же мы посмотрим на тексты, записанные в начале XX в., то отчётливо увидим, что эпизод I последовательно во всех вариантах подробен.

Другой вариант эпизода 'Куткыннюку отбирает у мышей их добычу' предполагает совершенно

¹⁷ Для удобства восприятия текста статьи все примеры даны в русском переводе.

иной сюжетный ход: мыши пытаются доказать Куткыннюку, что они нашли палку (или дерево):

Однажды девочки-мыши нашли маленькую нерпу на берегу моря. Куткыннюку увидел их, и они попытались спрятать ее в песке. Он спросил:

– *Что это?*

– *Это палка, – ответили мышки.*

– *Но у нее есть глаза!*

– *Это палка с глазами.*

– *У нее есть усы!*

– *Это палка с усами.*

– *У нее есть лапы!*

– *Это палка с лапами.*

Он их оттолкнул в сторону и унес нерпушку. Его жена разделал нерпу и сварила ее. [Johelson 1908: т. 130; вар. III]

Этот вариант был записан В.И. Иохельсоном в 1901 г. у кочевых коряков (чавчувенов) на р. Апуке (на севере Камчатки). Интересно, что спустя 28 лет, в 1929 г., Е.П. Орлова записала подобный вариант совершенно в другом месте, на западном побережье Камчатки у ительменов:

Однажды Мышь пошла к морю промышлять: убила нерпу и сразу потащила [ее] домой. Вдруг увидел ее Ворон и сразу спрашивает:

– *Что ты несешь?*

Мышка ответила:

– *Это дерево несу!*

Ворон не согласился:

– *Нет, это не дерево: смотри-ка, голова болтается.*

– *Да это сучок!*

Тут Ворон рассердился. Сразу же отобрал нерпу, всю ее разрезал и перетаскал в свой дом [Орлова 1999: 154; вар. V].

Данный вариант эпизода (мыши говорят Куткыннюку, что найденная ими добыча – палка или дерево) зафиксирован в начале XX в. у ительменов и кочевых коряков. Но, судя по записям, этот вариант к началу XXI в. оказался полностью утраченным.

В современных текстах отчетливо наблюдается стремление рассказчиков к индивидуально-авторской интерпретации эпизодов. Забыв подробности эпизода, рассказчик может моделировать эти подробности в соответствии со своими представлениями о том, как всё могло бы быть в реальности:

Кусхлэнку, когда рассвело, пошел к морю. Видит: на берегу очень много мышей бегают, кричат, что-то хотят тащить.

– *Внученьки, что вы здесь делаете?*

– *Море нам нерпу выкинуло, домой хотим утащить, – говорят мыши.*

– *Ой, внученьки, помогу вам. Я быстро нерпу вам притащу!*

Кусхлэнку взял дерево, перевязал соломой нерпу и потащил. Подошли к мышиным норам. Кусхлэнку не останавливается.

– *Дедушка! Дедушка! Уже пришли! Вот сюда нерпу положи! – кричат мыши.*

Кусхлэнку как будто ничего не слышит, тащит нерпу быстро в свой дом. Мыши кричали, суеутились, просили Кусхлэнку нерпу им отдать [Успенская 2004: т. 2; вар. XV].

В данном фрагменте действие разворачивается правдоподобно, парадокс состоит в том, что подобная ситуация (Большой Ворон обещает мышам помочь, а сам обманывает их) не встречается больше ни в одном из вариантов, а значит, является авторским привнесением.

Первоначально назидательность была сюжетобразующим фактором, об этом свидетельствуют наиболее ранние записи этой сказки. Куткыннюку отбирает добычу у мышей, за что потом и наказан. В некоторых поздних записях действие разворачивается без эпизода I, а значит, мотив назидательности совершенно исчезает (вар. VI, VIII, IX, XVII, XVIII).

Пропуск эпизода I нарушает логику повествования: если Куткыннюку не отбирал у мышей добычу, то как ввести следующий эпизод, в котором мыши воруют ту еду, которая была у них отобрана ранее? Отсутствие объяснения, почему мыши так издеваются над Куткыннюку, исчерпывается комизмом следующих эпизодов. Сама по себе комичность ситуации уже делает сюжет самодостаточным.

Эпизод II: ‘Мыши проникают в дом Куткыннюку, отобравшего у них добычу, и забирают еду’.

Второй эпизод непосредственно связан с первым, поэтому существует четкая корреляция: отсутствие первого влечёт за собой отсутствие второго эпизода (см. данные табл. 1).

Эпизод, повествующий о том, как мыши уносят украденную ранее у них еду, насыщен комическими деталями. Комический эффект создаётся благодаря уточнению подробностей, чем была заменена хорошая еда:

Ночью, пока Куткыннюку и его жена спали, мышата украли остатки мяса и вместо мяса они покакали.

Утром Куткыннюку проснулся и сказал жене, которая еще не проснулась:

– Я голодный, дай мне холодного мяса.

Она положила свою руку в котелок и узнала, что он наполнен кашками [Johelson 1908: т. 130; вар. III].

Мити голая:

– Ой-ой-ой.

– Что случилось, Мити? На старости лет радуешься.

– Да нет, остро, мышата острых камней навтыкали. Положили кусочек дерна, обкакали кастрюлю, мясо к себе унесли [Архив Мальцевой: т. 43; вар. XIV].

В керекском варианте мыши какают не в кастрюлю, а прямо в рот Куткыннюку, что делает эпизод ещё более смешным и зрелищным:

Пошли мыши все вместе к жилищу Кукки. А Кукки спит и рот раскрыл. Облегчились прямо ему в рот. Вытащили мясо из котла и убежали [Меновщиков 1974: т. 119; вар. X].

В одном из текстов появляется этиологическая мотивировка. Мити и Куткыннюку едят кашки и землю, потому что они вороны:

Ночью уснули Куткыннюку и Мити. А их племянники-мыши пришли и все мясо украли. Землей, кашками наполнили кастрюлю. А пол утыкали острыми ножами. <...> [Куткыннюку и Мити] начали есть. Едят:

– Кашки снимем, землю снимем, мочу снимем.

Вороны закончили есть кашки и землю. Сняли воронью одежду [Архив Мальцевой: т. 19; вар. XIII].

Важно, что в ранних вариантах этого сюжета этиологическая мотивировка действий Куткыннюку не встречается, значит, этиологический мотив является более поздним. Он проявляется только в одном (XIII) из зафиксированных 18 вариантов и, вероятнее всего, является результатом индивидуально-авторской интерпретации эпизода.

Опубликованные фольклорные тексты, предназначенные для детского чтения, подвергаются обработке: кашки заменяются травой и щепками, а моча – грязной водой из лужи:

Вместо мяса щепок и травы положили, вместо бульона грязной воды из лужи налили. На полу возле стола стёкла и острые камни рассыпали [Малюкович 2001: 58; вар. VII].

Интересно, что в ительменских вариантах этого сюжета кашки в качестве подменённой еды не упоминаются. Как в тексте 1741 г., так и в тексте 2004 г. приготовленная еда заменяется кусками гнилого дерева (гнилушками):

Ночью же по предварительному сговору явились мыши и все это повыкрали, заменив в блюдах мясо торфом, а жир гнилым деревом [Стеллер 1999: 152; вар. I].

Мити кастрюлю открыла, хотела положить Кусхлэнку мясо, а там только гнилушки плавают. <...> Кусхлэнку увидел: правда, мясо потерялось, только гнилушки в кастрюле [Успенская 2004: т. 2; вар. XIV].

Эпизод может быть более или менее развёрнутым. Много зависит от индивидуальных способностей рассказчика, который может наполнить краткий эпизод деталями, а может, напротив, даже подробную версию текста предельно свернуть:

Настала ночь. Мыши перетаскали все мясо от ворона. На другой день Ворон проснулся, а мяса-то как и не было [Орлова 1999: 154; вар. V].

В ранних чавчуевских, нымыланских, а также керекской записях этого сюжета совершенно отчётливо видно, что сюжетная интрига была непосредственно связана с тем, что хорошая еда была заменена кашками. Это-то и было смешно. Но по мере окультуривания происходит подмена. Кашки заменяются более приличным материалом: острыми ножами, гнилушками, песком, водой из лужи, или вообще подмена как таковая нейтрализуется (мыши просто перетаскивают мясо). Окультуренный, «приличный» вариант сказки обладает несопоставимо меньшей экспрессивностью.

В эпизоде II мыши воруют у Куткыннюку приготовленную, но не съеденную еду. Возникает вопрос: почему Куткыннюку не сразу съел приготовленную пищу, тем самым позволил мышам её украсть? Или: есть ли логика в действиях сказочных персонажей? На самом деле, это вопрос не тривиальный. Логика развёртывания эпизода непосредственно связана с объективной

действительностью. Сюжетный ход должен быть мотивирован. Рассказчик соотносит моделируемые фантастические события с реальностью. Дело не в том, как ведёт себя Куткыннюку, а в том, как объясняет, как моделирует действия персонажа рассказчик, чем руководствуется.

Стремление рассказчика объяснить поступки героев или, напротив, отстраниться от изображаемого связано с той тактикой взаимодействия с фольклорным текстом, которую рассказчик бессознательно выбирает:

1) тактика отстранения: рассказчик передаёт текст, как запомнил, стараясь не вмешиваться в структуру текста, не задумываясь, какой эффект производит на слушателей рассказываемый им текст; в таких текстах бытовые и психологические подробности сведены к минимуму, логические неувязки остаются без комментариев рассказчика;

2) тактика соучастия: рассказчик стремится к эмоциональному воздействию на слушателя, коммуникативная задача – на основе услышанного ранее создать новый, подходящий к данной конкретной ситуации, ориентированный на конкретных слушателей текст. В этом случае фольклорный текст насыщается подробностями. Рассказчик, стремясь к максимальному воздействию на эмоции слушателя, пытается разрешить противоречия, объяснить слушателям, что значат действия персонажа. Эти объяснения ситуативны. Они варьируются от текста к тексту и носят яркий отпечаток личности самого рассказчика, его повествовательной манеры.

Для сохранения сюжетной интриги требуется, чтобы Куткыннюку и Мити не сразу съели приготовленную хорошую пищу, а оставили её на некоторое время (этим и воспользуются мыши, чтобы совершить подмену). Нерациональные поступки персонажей, необходимые для развития сюжетного действия, должны быть тем не менее объяснены, вписаны в логику повествования. Цепь событий выстраивается как претендующая на правдоподобность. Показательно, что наиболее подробное и наиболее логичное (!) объяснение, почему Куткыннюку и Мити не сразу съели мясо, которое приготовили, представлено в самых ранних записях [Johelson 1908: t. 88; вар. II; Bogoraz 1917: t. 2; вар. IV]:

I. Куткыннюку не ест приготовленную пищу, потому что на него подействовала трава, заколдованная Женщиной-Мышью. Заколдованная трава по указанию Мышиной женщины была подброшена Маленькой мышкой в дом Куткыннюку специально для того, чтобы он отказался от еды:

Наконец Старая мышь послала свою четвертую дочь, которая вернулась домой, сказав, что Мити кладет мясо в котелок. Затем Старая мышь сказала одной из дочерей:

– Дай мне пучок травы, я заколдую его.

Старая Мышь дала заколдованную траву одной из своих дочерей и сказала:

– Залезь на крышу дома Большого Ворона и брось этот пучок травы внутрь дома.

Мышка послушалась. Когда она залезла на крышу дома Большого Ворона, она услышала, что Большой Ворон говорит:

– Мити, дай нерпу, мы сейчас ее будем есть.

Тут мышка бросила пучок заколдованной травы во входное отверстие дома. Мити подала мясо Большому Ворону, но он сказал:

– Дай мне пучок травы. Перед тем, как начать есть, я хочу вытереть руки.

Мити подобрала пучок, брошенный мышкой, и дала его Большому Ворону. Как только он взял пучок травы в руки, то сразу сказал:

– Мы будем есть потом, завтра утром. А сейчас пойдем спать.

И все люди Большого Ворона пошли спать [Johelson 1908: t. 88; вар. II].

Представленная в варианте II мотивировка действий персонажа (Куткыннюку) чрезвычайно подробна. Она вписана в культурный мифологический контекст жизни береговых коряков. В варианте I отчетливо проявляются отголоски женского семейного шаманизма. Подобное объяснение присутствует и в варианте IV, зафиксированном В.Г. Богоразом в 1901 г.:

Женщина-Мышь сказала: «Я хочу, чтобы Большой Ворон сказал “Мы будем кушать завтра”. Мы должны найти маленькую шаманскую палочку (такая палочка использовалась в магии. – прим. В.Г. Богораз). Маленькая Девочка-мышка, возьми этот пучок травы (на этот пучок была наложена магия. – прим. В.Г. Богораз) и отнеси его в дом Большого Ворона. Сбрось этот пучок через входное отверстие». Мыши взяли этот пучок и бросили в дом Большого Ворона. Большой Ворон тут же сказал: «Нам лучше съест это мясо завтра». Мити ответила: «Хорошо» [Bogoraz 1917: t. 2; вар. IV].

Мотивировка, связанная с применением магии, полностью исчезла в процессе последующего бытования сюжета «Куткыннюку и мыши». Редукция эпизода связана с тем, что из обрядовой жизни

береговых коряков стала исчезать магическая практика. С другой стороны, в том же 1901 г. В.И. Иохельсон записывает другой вариант сюжета «Куткыннюку и мыши» у кочевых коряков. В этом варианте второй эпизод гораздо менее подробен и совершенно не связан с магией:

II. Еда остается до утра, потому что её не доели:

Его жена разделала нерпу и сварила её. Она приготовила ужин. Поели они, и осталось ещё в котелке. Ночью, пока Куткыннюку и его жена спали, мышата украли остатки мяса и вместо мяса покакали [Johelson 1908: t. 130; вар. III].

Такое объяснение вполне реалистично даже сейчас, а потому реализуется в некоторых современных вариантах:

Всю нерпушку есть не стали, только немножко попробовали.

– *Утром доедим. Ложитесь спать, – говорит Куткыннюку [Малюкович 2001: 58; вар. VII].*

III. Мясо нерпы остаётся на улице, чтобы подмёрзло, так его будет удобно хранить:

Ворон разрезал всю нерпу, вынес на улицу, чтобы немного подмёрзла. Настала ночь [Орлова 1999: 154; вар. V].

IV. Представление о сытой, довольной жизни: *Потом лёжа будем есть.* [Архив Мальцевой: т. 43; вар. XIV].

V. Жадность персонажа: *Мити обрадовалась, взяла нож, выластала нерпу, костёр сделала и начала варить мясо. Очень вкусно едой запахло. Мити сказала: «Кукэ, уже мясо сварилось, поедим!» Кутх сказал Мити: «Когда стемнеет, тогда поедим – кто-нибудь зайдёт, будет просить кушать!» Кутх, Мити, дети не ели – ждали, когда стемнеет [Успенская 2004: т. 2; вар. XV].*

Если в варианте XV Большой Ворон не хочет кормить гостей (что являлось позорным поступком для аборигенных народов Камчатки), то в варианте XII Большой Ворон не хочет кормить детей, мечтая, как вся еда достанется только ему и Мити:

– *Ну, Мити, выходи, под старость (нам) еда. Вечером дети уснут, тогда сварю.*

– *Ага...*

– *Детей не надо кормить, негодные. В последний раз я зверя добыл.*

Вот [Мити] варит. [Мити] детям кишки сует в рот (тайно подкармливает). Давятся.

– *Мити, почему они давятся?*

– *Да они от дыма давятся. Ну что, я сварила нерпушку.*

– *Туда, в деревянную чашку положи. Вечером дети уснут, поедим. <...>*

К вечеру Куткыннюку [говорит]:

– *Ну, давай, Мити, дети, наверное, уснули. Неси чашку. Поедим нерпичьего мяса [Архив Мальцевой: т. 4; вар. XII].*

Жадность Куткыннюку по отношению к собственным детям абсолютно противоестественна. Не случайно в этом варианте Мити как мать всё-таки тайно подкармливает детей, хотя внешне подчиняется нелепым приказам Куткыннюку. В сюжете «Ложная смерть Куткыннюку» один из сюжетобразующих мотивов также держится на том, что Куткыннюку устраивает себе сытую жизнь, в то время как его жена и дети голодают.

В вариантах XII, XV поступки Куткыннюку объясняются особенностями характера персонажа. Назидательный мотив становится отчётливым: жадность наказывается.

VI. Куткыннюку сам выносит на улицу котёл с едой (без объяснений, зачем). Действия персонажей могут оставаться без объяснений. Рассказчик, бессознательно выбирая тактику отстранения, не испытывает потребности объяснить (слушателям или самому себе), почему персонаж поступает именно так:

Вынесли котел с нерпичьим мясом на улицу, а сами тем временем заснули [Меновщиков 1974: т. 119; вар. X].

VII. Куткыннюку запрещает своим домашним прикасаться к еде (без объяснений, почему): *Затем он разложил мясо, жир и кишки тюленя по отдельным блюдам и поставил их в дымоход, но строго запретил своим жене и детям прикасаться к этим блюдам до утра [Стеллер 1999: 152; вар. I].*

Переход к следующему эпизоду ‘Мыши пришивают к заднице Куткыннюку пузырь’ представляет собой следствие из предыдущего. Третий эпизод – это возмездие: Куткыннюку отправляется мстить мышам за то, что они украли у него еду.

Эпизод III: 'Мыши пришивают пузырь к заднице Куткыннюку'.

Ситуация может быть сколь угодно фантастической, но логика действий должна соблюдаться. Само пришивание мешка к заднице не связано с реальной действительностью, но зато совершенно логичен тот факт, что если к заднице пришит мешок, то какашки не упадут на землю. Именно поэтому основной акцент во всех вариантах данного эпизода сделан не на том, *как* мыши *пришивают* этот пузырь. Главное: *как реагирует* Куткыннюку на то, что его какашки не упали на землю. Пузырь – это только условность. Зато реакция Куткыннюку изображается чрезвычайно правдоподобно, даже используются реплики внутреннего монолога. Чем подробнее описана реакция Куткыннюку, тем более комичен эпизод:

Тогда они привязали пузырь к его заднице и разбудили его:

– Дедушка, проснись! У тебя живот полный. Вот хорошее сухое место, где можешь покакать.

Он потужился и покакал, какашки упали в пузырь с громким звуком: – Пу! Пу! Но когда Куткыннюку оглянулся, на земле ничего не было.

Он пошёл домой и сказал жене:

– Со мной случилось что-то странное. Я покакал в одном месте и не нашёл свои какашки, хотя они упали с громким звуком [Johelson 1908: t. 130; вар. III].

Эпизод с пришиванием пузыря к заднице – источник смеха. Здесь есть всё, что создаёт комичность ситуации: и задница, и какашки, и донельзя нелепая ситуация, и герой-дурачок (трикстер):

Быстро хорошо его мыши накормили. Сказали ему:

– Когда ляжешь спать, ложись на живот.

– Да, хорошо. Хорошо наелся, лягу на живот.

Уснул. Мыши пришили желудок нерпы вокруг заднего прохода. Проснулся Куткыннюку. Стал домой собираться. Мыши сказали:

– Будешь проходить перевал, на ровном месте там покакай.

– Ладно, ведь наелся, покакаю.

Пришёл на поляну. Покакал. Обернулся. Нет какашек. Сказал:

– Вот, оказывается, поляна, где теряются какашки.

Пошёл домой к Мити [Архив Мальцевой: т. 19; вар. XIII].

В вариантах, записанных в с. Вывенка (XII, XIII, XIV), в эпизоде III в комическом свете упоминается поляна, где исчезают какашки. В других локальных вариантах такого объяснения нет вследствие особенностей бытования этого сюжета именно в с. Вывенка. А вот почему там возник этот мотив, к сожалению, пока неясно:

Вошел Куткыннюку, хорошо наелся, угостили мухоморами, древесными мухоморами.

– Куткыннюку, на животе спи.

– Ладно.

На животе уснул. К заднему проходу пришили мешок длинный.

– Там, Куткыннюку, сходи по большой нужде, на красивой поляне.

– Ладно, схожу.

Дошел до красивой поляны.

– Здесь схожу-ка по большой нужде.

Сходил там. Потом посмотрел:

– Где же какашки? Это она, та поляна, о которой мать говорила, где исчезают какашки.

Вечером, перед сном стал греться у костра. Греется. Валя смеется:

– Что-то там болтается.

– Наверно, инструмент, которым вы сделаны.

Потом Мити увидела: мешок висит, наполненный какашками. Оторвала Мити мешок вместе с мясом. Начал Куткыннюку кровью истекать [Архив Мальцевой: т. 43; вар. XIV].

Подробности изображения поляны, на которой исчезают какашки, в вариантах отличаются. Если в варианте XIV об этой поляне Куткыннюку поведала мать (тут можно подумать о том знании, которым владеет старшая женщина в семье), то в варианте XII об этой поляне рассказывал когда-то отец:

Вот [Куткыннюку] проснулся.

– Ну, пойду домой.

– Там, на красивой поляне покакай.

– Конечно, хорошо меня накормили, покакаю.

На поляну пришел. Стал какать. Надел штаны. [Посмотрел.] Нету какашки.

– *Надо же, это давным-давно отец говорил, (что есть) поляна, где теряются какашки [Архив Мальцевой: т. 4; вар. XII].*

Интересно, что упоминание родителей (отца или матери) Куткыннюку, родителей первопретка, не мешает комическому эффекту эпизода. Возникает ощущение, что здесь есть некоторая пародия на мифологию. Скорее всего, упоминание о «магической поляне» не связано с мифологическими представлениями. «Магическая поляна» появляется как средство усиления комического эффекта.

В разных вариантах резко различаются особенности детализации вещного мира. Во всех 18 вариантах к заднице Куткыннюку мыши пришивают ёмкость (мешок), но что конкретно – тут всё зависит от того, какой вещный мир окружает рассказчика, или от наличия тех художественных деталей, которые иногда устойчиво закрепляются в локальной традиции бытования сюжета.

Заманивая Куткыннюку к себе, мыши предлагают ему самые лучшие угощения, против которых он не может устоять. Набор угощений варьируется от текста к тексту и зависит не только от повествовательной традиции, но и от личных гастрономических пристрастий рассказчика. То есть художественная детализация – это та сфера, которая позволяет рассказчику выразить своё индивидуальное видение сказочной ситуации (табл. 5).

Одно из распространённых национальных блюд ительменов – *толкуша* – «своего рода винегрет из рыбы, юколы, мяса, кемчиги, сараны, жира, ягод, растертых до густоты сметаны» [Орлова 1999: с. 143]. У коряков *толкуша* также является излюбленным блюдом, «делается из толченой юколы с тюленьим жиром и голубикой. Эта смесь толчется на деревянных лотках или блюдах деревянными или костяными пестиками. Вот перечень главных ягод, которые едят коряки: шикша, голубика, брусника, морошка, жимолость, в северной Камчатке – черемуха. Голубика считается самой вкусной. <...> Толкуша, сделанная из толченых ягод, икры, рыбы и нерпичьего жира, замораживается и по мере надобности режется ножом. Это блюдо считается угощением для гостей и прекрасной дорожной пищей» [Иохельсон 1997: 112].

Таблица 5

**Особенности художественной детализации
в этнических вариантах сюжета
«Куткыннюку и мыши»**

Угощение, которое мыши обещают дать Куткыннюку	Что мыши пришивают к заднице Куткыннюку	Этнос	Год записи текста	Вариант
Сарана, кемчига, кедровые орехи, ягоды, толкуша, сушёная икра	мешок из рыбьих кож	ительм.	1741	I
Толкуша из морошки, толкуша из сладкого корня, толкуша из жимолости	пузырь из кишки нерпы	нымыл.	1900	II
Лакомство из оленьего желудка	пузырь	чавчув.	1901	III
Толкуша из морошки, толкуша из жимолости, толкуша из голубики	–	чавчув.	1901	IV
Кемчига, сарана	–	ительм.	1929	V
Кемчига, сарана, ягода	вещевой мешок	ительм.	1964	VI
Угощение	–	нет данных	1960–1970	VII
Жирная толкуша	сухой мешок	чавчув.	1960–1970	VIII
Толкуша, чай	–	нымыл.	1960–1970	IX
Корешки-палкумйат	–	керек.	1970	X
Ягода, толкуша	–	нымыл.	1992	XI
Сарана	нерпичий желудок	нымыл.	2004	XII
Толкуша	желудок нерпы	нымыл.	2004	XIII
Ягода, толкуша, древесные мухоморы	длинный мешок	нымыл.	2004	XIV
Рыбьи головки, мясо, юкола, ягода	–	ительм.	2004	XV
Морская капуста, толчёная морская капуста, смешанная с дикой картошкой (клубнями кемчиги), жареная на жире морская капуста, смешанная с дикой картошкой, ягодами, княженикой	мешок от бубна	нымыл.	2006	XVI
Лахтак	–	чавчув.	2010	XVII
Сарана, кимчига	–	ительм.	2013	XVIII

По данным таблицы 5 хорошо видно, насколько вариативен вещный мир фольклорного текста. Принципиально важно, что в современных текстах начала XXI в. сохраняется упоминание

традиционных блюд, хотя питание аборигенных народов Камчатки сильно изменилось. Тем не менее рассказчики сохраняют дистанцию: сказка не тождественна современной реальности, сказка повествует о древнем времени. Эта отсылка к древнему миру, миру предков, бессознательно актуализируется рассказчиками. Упоминание в сказке современной пищи делало бы сказку «неправильной», так как мифологическая сказка должна соответствовать реальности в прошлом. В текстах отчётливо видна разница в изображении угощений. В ительменских вариантах в качестве лакомства упоминаются растения (кемчига, сарана), сухая икра, рыбы головки, в ныммыланских – традиционное блюдо *толкуша*, в одном из чавчувенких вариантов – лакомство из оленьего желудка.

Уроженка с. Лесная Тигильского района, Варвара Кондратьевна Белоусова (1930 г.р.), подробно описывает состав толкуши [вар. XV]. Однако не совсем ясно, описывает ли она реальный рецепт или, напротив, создаёт в тексте, детально изображая, такое блюдо, которое береговые коряки могли бы, по её мнению, приготовить в древности для дорогого гостя. По свидетельству В.И. Иохельсона, в начале XX в. морская капуста употреблялась коряками в пищу: «Морскую капусту едят не только приморские коряки, но и оленные, когда охотятся летом на морском берегу. Её режут ножом и варят с тюленьей или оленьей кровью, или с оленьей» [1997: 112].

Ительменка, уроженка с. Седанка Оседлая Тигильского района, Валентина Ивановна Успенская (1941 г.р.), изображая угощения, упоминает рыбы головки, мясо, юколу (сухую рыбу), ягоду [вар. XV]. Все эти блюда она действительно очень любила. А заквашенные в яме рыбы головки – это, по её словам, особенное, напоминающее о детстве лакомство. Валентина Ивановна вносит в текст индивидуально-авторское представление о том, каким должно было быть угощение для Куткыннюку, ориентируясь на реальные традиционные блюда, любимые ею с детства.

Вещный мир сказок подвижен, однако в современных текстах ещё сохраняется связь с представлением о национальной традиционной кулинарии, но не исключено, что эти детали постепенно будут утрачиваться.

Изменения хозяйственного уклада влияют на особенности детализации текста. В некоторых текстах пришитый к заднице Куткыннюку пузырь изображается через призму традиционных промыслов: у ительменов – это мешок из рыбьих кож, у ныммылан – пузырь из кишки или желудка нерпы. В некоторых вариантах связь этой художественной детали с традиционными промыслами уже исчезла. Пришитый пузырь изображается через призму современного вещного мира: *вещевой мешок, длинный мешок, мешок от бубна*.

Эпизод ‘Мыши пришивают к заднице Куткыннюку пузырь’ не является устойчивым. Он отсутствует в 8 вариантах из 18 (см. табл. 2). Вероятно, утрата этого эпизода связана с постепенным «окультуриванием» фольклора под влиянием образования и русской культуры. В ительменских вариантах, а также в опубликованных вариантах, предназначенных для детского чтения, этого эпизода нет, хотя, конечно, он доставил бы много радости детям.

Эпизод IV: ‘Мыши пришивают красные шерстинки к ресницам Куткыннюку’.

Этот эпизод совершенно не поддается трактовке, несмотря на то, что является самым устойчивым (сохранился во всех (!) 18 вариантах). Эпизод III ‘мыши пришивают пузырь к заднице Куткыннюку’ понятен, вернее, ясна логика человеческой мысли, послужившая началом для формирования этого эпизода. Напротив, эпизод IV ‘мыши пришивают красные шерстинки к ресницам Куткыннюку’ очень сложен для толкования:

Всё расшили [мыши] цветными тряпочками лицо [Куткыннюку]. Увидел: дом горит.

– Мити, плохо, дом горит.

– Не горит.

– Плохо, горит дом. Плохонького ребёнка разорви, используй для сбивания огня.

Мити взяла Макильнытклагъата, самого плохонького сына, разорвала за ноги, вот так разорвала.

И бьёт, как попало. Не горит дом. Подошёл Куткыннюку:

– Тебе лицо расшили, глаза расшили, – [говорит Мити].

– Ах вы, мыши! [Архив Мальцевой: т. 43; вар. XIV].

Ну вот, Куткыннюку стал приближаться к дому, поглядел. Дом его горит. Побежал к дому Куткыннюку: «Мити, мы горим!». Ну вот, Мити вышла, оглядела дом. По-прежнему стоит, совсем не горит. Тут Куткыннюку вопит: «Скорей тушите дом! Мити, самым плохоньким сыном огонь сбивай». И вот уж Мити стала хватать самого маленького сына («огнесбивательного»), огонь на пожаре сбивать. Подошел Куткыннюку. Мити посмотрела на Куткыннюку, глаза его красной (нерпичьей) шерстью зашиты [Жукова 1988: т. 47; вар. IX].

Этиология мотива 'сбивание огня сыном' не является ясной. Возникновение этого мотива было связано с каким-то обрядом. Отчётливо прослеживается связь между элементами: *огонь – ребёнок – болезнь (малорослость, недоразвитость)*. Не зная ритуала, действия Куткыннюку объяснить трудно. Детская смертность ещё в начале XX в., по свидетельству В.И. Иохельсона, была очень высокой и составляла 42 %: «У коряков, как и везде, невыживающие дети умирают в течение первого года жизни. Это может служить объяснением корякского поверья, что детские души робки, а потому больше подвержены нападениям злых духов, чем взрослые. По этой же причине дети ставятся под особое покровительство домашних богов. Несмотря на это, детская смертность громадна по сравнению с таковой у народов культурных» [1997: 24]. Возможно, в древности существовал какой-то обряд, помогающий больному ребёнку. Сила, изгоняющая болезнь, непосредственно связана с силой огня. Имя Куткыннюку присутствовало в корякской заговорной традиции, так как Куткыннюку входил в пантеон домашних, охраняющих богов. Связь эпизода с ритуальным действием и обрядовой практикой очень вероятна, но не доказана.

На примере эпизода IV чётко видно, как происходит редукция эпизода фольклорного текста. В первую очередь, исчезают детали, которые утрачивают для рассказчика смысл и могут быть заменены более понятными, сопоставимыми в функциональном плане.

Рассказчик (или собиратель) объясняет поступки персонажа в соответствии с собственными представлениями.

Г.В. Стеллер, пересказывая сюжет «Куткыннюку и мыши», будучи человеком цивилизованным, по своему объясняет нелепый поступок Кутки:

Но Хахи (жена Кутки) ответила: «Да где же горит?». Тогда Кутка позвал своего старшего сына, но когда и тот только рассмеялся, он схватил его и швырнул изо всей силы оземь [Стеллер 1999: 152; вар. I].

Г.В. Стеллер делает попытку объяснить нелепые действия Кутки его гневом, но это только личная трактовка исследователя. Во всех остальных вариантах сбивание огня ребёнком абсолютно не связано с гневом Куткыннюку.

В ительменском тексте, записанном Е.П. Орловой в 1929 г., тоже представлена рациональная попытка объяснить, почему Ворон бьёт своего сына во время мнимого пожара:

Мыши пришли красные тряпочки к ресницам Ворона. Ворон проснулся. Сразу отправился домой. Навстречу шёл его ребёнок. Ворон подумал, что его сын горит. Тогда [он] взял ребёнка и стал ударять его об стенку. Так своего сына и убил [Орлова 1999: 155; вар. V]. В этом варианте действия Ворона предстают как поступки самодура, но поступки рационально объяснимые.

В варианте, опубликованном в книге В.Н. Малюковича, даётся другое толкование «необъяснимых» действий Куткыннюку:

– Миты! Пожар! Поймай Валля, самого плохого сына – принесём его в жертву, пожар погасим! Мити стала ловить сына. Бегает за ним вокруг яранги, а сама нарочно всё время падает, чтобы сына не догнать. Решила Миты, что Куткыннюку снова дурачится. (А Валля был некудышным сыном, совсем не рос, но что бы с ним ни случилось, он всегда оживал снова) [Малюкович 2001: 60; вар. VII].

В этнографической литературе нет сведений о человеческих жертвах у ительменов или коряков. Объяснение В.Н. Малюковича есть не что иное, как желание собирателя объяснить необъяснимое.

Во всех вариантах Мити уже изображается как носитель здоровой логики:

Стал Кукки подходить к яранге, опустил ресницы. «О-о, словно земля горит!» – ничего не видит Кукки. Сердится стал: «Мити, Мити! – кричит. – Потуши огонь, земля горит!» Сын Ауппал навстречу ему бежит. Хотел было Кукки схватить его, но тут жена подошла и сорвала ресницы [Меновщиков 1974: т. 119; вар. X].

Действия Мити слушателю понятны. Напротив, поступки Куткыннюку, согласно корякской повествовательной традиции, могут быть абсолютно абсурдны. Куткыннюку имеет право на безумство.

Он [Куткыннюку] посмотрел на свой дом и закричал: «Ой, Мити, наш дом горит!». Его жена вышла. Обошла вокруг дома, ища пожар. Но, конечно, она ничего не смогла найти. «Ну-ка, дай я посмотрю на тебя! Мыши что-то привязали к твоим бровям!» [Johelson 1908: t. 130; вар. III].

Рассказчик соотносит действия персонажей с реальной жизненной логикой. По этой причине та часть эпизода, в которой Мити тушит мнимый пожар разорванным сыном, может просто опускаться как непонятная для рассказчика. Действия Мити, мудрой хозяйки, вполне согласуются с реальными действиями людей в похожей ситуации:

Зашли вот тут (на бровях) красные лоскутки. Вот так. Пошёл [Куткыннюку] домой, успокоился.

Стал приближаться, посмотрел на дом. Горит.

– Быстрее, Мити, выходи. Дом горит. Ребёнка, который слабый, разорви, используй.

Мити растерялась. Вышла. Не горит:

– Ребёнка порви. Дом горит.

Мити говорит:

– Что с тобой, Кукэ? У тебя пришиты красные лоскутки на бровях.

– М... мышам нас не победить [Архив Мальцевой: т. 137; вар. XVI].

В данном варианте рассказчица, Белоусова Варвара Кондратьевна, поступки персонажей изображает в соответствии с собственным видением изображаемой ситуации как реальной (!). В тексте остаётся только та часть эпизода, которую понимает рассказчица: Куткыннюку, будучи безумцем, требует, чтобы его жена сбивала огонь сыном, но Мити, зная о периодических странностях Куткыннюку, не выполняет его приказа.

Современные рассказчики, не понимая этиологии мотива сбивания огня плохоньким (большим) ребёнком, не имея возможности соотнести этот мотив с давно утраченным ритуалом, могут передавать эпизод в его целостности, не сокращая, а напротив, дополняя психологическими подробностями, как бы компенсирующими абсурдность, нелепость ситуации:

Стал [Куткыннюку] приближаться к дому. Горит дом. Дом, покрытый дымлёной шкурой, горит. «Мити, быстрее беги, Макильниката возьми, разорви его на две части. Дом горит». Единственного бедняжку сыночка разорвала. Использовала для сбивания огня. Потом Мити увидела, (что) глаза обшиты красным. Эти красные тряпки оборвала. Мити сильно обругала Куткыннюку: «Единственного сына разорвали. Кто нам поможет, когда мы состаримся» [Архив Мальцевой: т. 9; вар. XIII].

Текст насыщается психологически достоверными деталями, хотя ситуация остаётся за гранью обыденной логики. Этот эпизод первоначально подчинялся логике ритуала, но если знание о ритуале утрачено, то восстановить внутреннюю логику эпизода не представляется возможным:

Куткыннюку смотрит: его дом горит.

– Мити, бери самого плохонького сына тушить пожар.

Мити напрасно испугалась. Младшего ребёнка еле поймала. По-всякому стала стучать ребёнка (об дом). Потом разорвала его пополам. Явился [Куткыннюку].

– Где, старуха, огонь?

Мити посмотрела:

– Вон, на ресницах красные тряпочки пришиты. Ресницы виноваты. Они краснеют, как будто горят. Тебя зашили тряпочками, ничего нет. Только ребёнка убили.

– Ничего, я сделаю ребёнка.

Он [Куткыннюку], выходя, ребёнка, разорванного на две части, быстро оживил. Бегаёт (ребёнок) туда-сюда, как ни в чём не бывало [Архив Мальцевой: т. 80; вар. XI].

Условность сказочной ситуации может нарочито подчёркиваться, как в данном примере. Рассказчик, Чечулин Василий Николаевич, изображает ситуацию как принципиально отличную от объективно возможной реальности. То есть рассказчик исходит из принципа: это же сказка, в ней всё возможно! Благодаря такой установке противоречия снимаются.

Мыши подшучивают над Куткыннюку. Пришивая к его глазам красные шерстинки, они заставляют его видеть то, чего нет. Комизм ситуации состоит в том, что слушатели совершенно отчётливо ощущают глупость Куткыннюку. Зная «реальную» ситуацию, они легко могут оценить степень несуразности действий Куткыннюку. Смешно, что героя очень просто обмануть, а слушателей так легко не провести. «Умный» слушатель смеётся над «глупым» героем сказки. Несуразность действий героя доводится до предельного абсурда: для сбивания огня используется разорванный пополам сын. Разрывание сына подаётся вне связи с ритуалом, как деталь, подчёркивающая безумство Куткыннюку, доведённое до крайности.

Утрата знаний о ритуале, послужившем основой для формирования эпизода, влечёт за собой редукцию эпизода, его сокращение. Все непонятные, нефункциональные, а значит, уже незначимые детали повествования утрачиваются:

Проснулся Кутх, пошел домой, видит – весь дом красный. Закричал:

– Ой, Миты, дом горит!

Посмотрела Миты на Кутха, а у него на веках что-то красное пришито [Смышляев 2013: 136; вар. XVIII].

Редукция эпизода может быть сопряжена с одновременным насыщением этого эпизода деталями, соотносимыми с той картиной мира, которая для рассказчика является объективной действительностью:

[Куткыннюку] сказал [Мити]:

– Старуха, смотри, горим мы!

Старуха горит:

– Зачем врешь! Ничего не горит!

Куткыннюку говорит ей:

– Быстро водой заливай дом!

И вот изнутри начал водой поливать. Сильно торопится, орет этот Куткыннюку! Все в доме водой залил. Наконец, Мити говорит ему:

– Сумасшедший старикашка! Все время сходит с ума! Смотри, твои глаза закрыты краснушками! [Симонова 2010: т. 12; вар. XVII].

В варианте XVII действия старика Куткыннюку представлены как абсолютно нелепые, но гипотетически вполне соотносимые с реальной действительностью. Мотив тушения огня разорванным пополам большим ребенком в этом варианте совершенно исчез. Но появились новые детали, насыщающие эпизод конкретикой. Современный слушатель легко может представить себе, как Куткыннюку заливает водой дом, и домыслить, сколько проблем это за собой влечёт. Интересно, что в этнографической литературе нигде не встречаются сведения о пожарах в юртах кочевых или в подземных жилищах оседлых коряков, хотя, казалось бы, обстановка там была пожароопасная, ведь в середине жилища – открытый огонь.

Исчезновение из текста сказки непонятных деталей, утративших связь с традиционными ритуалами, не обязательно предполагает свёртывание, сокращение эпизода. Рассказчик легко может дополнить эпизод деталями, конкретизирующими изображаемую ситуацию как реальную. Рассказчик моделирует текст в соответствии с собственным видением сказочной ситуации:

Вышел во двор, там солнце. Очень светло. Открыл Кусхлэнку глаза, посмотрел на свой дом, а дом очень красный. «Дом мой горит!» – закричал Кусхлэнку и очень быстро побежал домой. «Мити! Дети! Быстро выходите из дому! Дом наш горит!». Мити, дети испугались, быстро вышли из дома, посмотрели – ничего не горит. Только Кусхлэнку испуганный стоит, руками машет, а глаза красными шкурками закрыты [Успенская 2004: т. 2; XV].

Эпизод ‘мыши пришивают к ресницам Куткыннюку красные шерстинки’ оказался самым устойчивым из всех эпизодов сказки «Куткыннюку и мыши», хотя детали изображения сильно изменились. Трудно объяснить такую поразительную устойчивость «непонятного» эпизода.

Эпизод V: ‘Мыши раскрашивают лицо Куткыннюку’.

Сюжетообразующий мотив сказки «Куткыннюку и мыши» – несуразность действий главного героя. Для слушателей каждый эпизод – это иллюстрация глупости Куткыннюку. Эпизод V – очередная маленькая история о том, как мыши одурачили Куткыннюку:

Уснул Кутх, а мыши взяли и разукрасили чем-то его лицо. Проснулся Кутх, пошел домой. Пришел и сказал:

– Подожди, Мити, пойду принесу воды!

Пошел к проруби, нагнулся, увидел в воде свое лицо и воскликнул:

– Оказывается, какая красивая девушка тут живет! Сейчас принесу ей каменный пестик, деревянный пестик и корыто.

Принес корыто, опустил в воду и сказал:

– Держи!

Не берет девушка корыто. Кутх подумал: «Наверное, есть у нее корыто».

Затем деревянный пестик в прорубь опустил. Снова сказал:

– На, держи!

А пестик плавает на воде, опять никто его не берет. Кутх подумал: «Наверное, и деревянный пестик есть». Затем каменный пестик сунул в воду. Этот сразу на дно пошел. Кутх сказал:

– Нет у нее, значит, коль себе взяла!

Затем сам в прорубь нырнул и сказал:

– Смотри, держи меня!

И под лед ушел. Кричал, кричал, да так и утонул [Меновщиков 1974: т. 180; вар. VI].

Трикстерская сущность главного персонажа Вороньего эпоса проявляется в этом эпизоде с полной силой. Здесь явно можно увидеть проявление оппозиций: *женское / мужское; мокрое / сухое; мнимое / реальное; немое / звучащее; мёртвое / живое*. Зерно комического здесь заключено в том, что Куткыннюку разговаривает сам с собой, принимает себя за женщину. Несуразность всего этого замечают слушатели и смеются над нелепыми действиями Куткыннюку.

Возможно, генезис этого эпизода связан с брачными обычаями. Татуированная женщина –

женщина, принадлежащая другому племени. Тагуировки являлись отличительными знаками богатства, избранности женщины.

Эпизод о сватовстве Куткыннюку к своему отражению является достаточно устойчивым: он присутствует в 16 вариантах из 18 (см. данные табл. 2).

Диалог Куткыннюку с самим собой (с мнимой женщиной, с отражением) – это своего рода театр, разыгрываемый рассказчиком перед слушателями. Эпизод наполняется деталями, усиливающими комический эффект: различные орудия труда, в зависимости от материала, из которого они сделаны, тонут или не тонут в воде. Отказ мнимой женщины принимать деревянное корыто, деревянный пестик – на самом деле является следствием того, что корыто сделано из дерева и не тонет. Слушатель догадывается, почему не тонет корыто, а Куткыннюку – не догадывается.

В этом эпизоде устойчиво сохраняется перечисление древних хозяйственных орудий, которые бросает Куткыннюку в дар своей мнимой возлюбленной. Быт рассказчиков меняется, каменные пестики и камни для дробления костей уже не являются орудиями повседневной реальности, однако их упоминание устойчиво сохраняется в эпизоде, что хорошо видно по данным таблицы 6.

Таблица 6

Хозяйственные орудия, упоминаемые в эпизоде V

Что Куткыннюку бросает в воду в дар мнимой женщине	Этнос, субэтнос	Год записи	Вариант
Деревянный нож, которым очищают тюленьи шкуры, кусок абсидианта, из которого делались ножи и стрелы	ительм.	1741	I
Каменный молоток	нымыл.	1900	II
Ступа, пест, палки и юрты	чавчув.	1901	III
Каменный молоток	чавчув.	1901	IV
Кухлянки, торбаза, чижы (моховые чулки),	ительм.	1929	V
Каменный пестик, деревянный пестик, корыто	ительм.	1964	VI
Торбаза, кухлянка, доска для обработки шкур. каменная ступка, жирник	нет данных	1960–70	VII
Одеяло, кроильная доска, молот для разбивания костей, рукоятки для скребков	чавчув.	1960–70	VIII
Упоминание «подарков» в эпизоде отсутствует	нымыл.	1960–70	IX
Белый камень, кроильная доска, скребок, полог со стойками	керек.	1970	X
Камень для толчения, доска для выделки, скоблilка для выделки, мешок с толкушей, копыя, подстилка, одеяло	нымыл.	1992	XI
Одеяло	нымыл.	2004	
Доска для выделки шкур, палка с камнем для выделки шкур, камень для толчения	нымыл.	2004	XIII
Подстилка (шкура), одеяло, камень для толчения, толкуша	нымыл.	2004	XIV
Эпизод полностью отсутствует	ительм.	2004	XV
Перечисление «подарков» отсутствует	нымыл.	2006	XVI
Эпизод полностью отсутствует	чавчув.	2010	XVII
Каменный пестик, деревянный пестик, корыто	ительм.	2013	XVIII

В эпизоде V детали (перечисление уже вышедших из употребления орудий труда) сохраняются, потому что вокруг этих деталей формируется диалог Куткыннюку с мнимой женщиной. Показательно, что в данном эпизоде, как в рассмотренных ранее, сохраняется стремление рассказчиков изображаемую ситуацию ввести в контекст древнего времени. Набор упоминаемых хозяйственных предметов варьируется, однако отсылка к миру прошлого в большинстве вариантов очевидна.

Показательно, что в двух вариантах (IX, XVI) в эпизоде о сватовстве Куткыннюку к своему отражению, перечисление орудий труда пропущено:

Когда [Куткыннюку] нагнулсЯ к ручью, то увидел свое отражение. Сказал:

– Хэ-хэ, Разрисованная, я тебя встретил. Здравствуй, разрисованная, ты откуда идешь?

И начал беседовать:

– Я иду от мышей. Наконец, разрисованная, я тебя встретил.

Стал пытаться ее взять. И упал в реку [Архив Мальцевой: т. 137; вар. XVI].

Исчезновение упоминания о традиционных орудиях труда связано с тем, что для рассказчицы Белоусовой Варвары Кондратьевны эти орудия уже не являются актуальной реальностью.

Нефункциональные детали забываются, подменяются другими, более актуальными и понятными. Для индивидуальной повествовательной манеры В.К. Белоусовой характерна тактика соучастия. Всё, что она говорит, она подаёт сквозь призму своего сознания, пытаясь объяснить, дополнить, сделать повествование наиболее понятным и доступным для слушателей. В ранних вариантах этого эпизода диалог Куткыннюку с отражением был обязательным элементом, усиливающим комический эффект. Первоначально диалог строился как обсуждение ценности подарков, преподносимых Куткыннюку Разрисованной женщине. Но в варианте, записанном от В.К. Белоусовой, подарков уже нет, а диалог остался. Рассказчица строит диалог сказочных персонажей по модели обыденного реального диалога: *здравствуй – куда идёшь? – я иду оттуда-то – как хорошо, что я тебя встретил*. Важно, что сама повествовательная традиция коряков позволяет моделировать диалог персонажей как диалог реальных лиц (в русской традиции это невозможно, так как нарушает принципы сказочной условности).

В другом варианте (IX) диалог выстраивается так, как будто разрисованная женщина действительно отвечает Куткыннюку. Это нарушает логику эпизода, смысл которого как раз в том и состоял, что разрисованной женщины нет – есть только сам Куткыннюку и его отражение:

И вот пришел к речке Куткыннюку, стал пить. Вдруг увидел татуированную женщину.

– О! Разрисованная, что ты здесь делаешь?

– Иди, Куткыннюку, сюда.

И вот Куткыннюку в воду бросился [Жукова 1988: т. 47; вар. IX].

Отсутствие перечисления «подарков», преподносимых мнимой женщине, сильное сокращение диалога, представление диалога с самим собой как диалога разных действующих лиц – всё это свидетельствует о том, что начался процесс редукции данного эпизода. Приведённый фрагмент из варианта IX, записанного в 1960–1970 гг., предельно краток, все значимые для эпизода детали пропущены; казалось бы, эпизод должен к началу XXI в. полностью исчезнуть. Однако эпизод устойчиво сохраняется в повествовательной традиции.

Предсказать жизнь сюжета невозможно, так как, преломляясь через сознание разных рассказчиков, сюжет не только упрощается, но и обогащается. Каждый рассказчик немного меняет тот текст, который услышал. Меняет настолько, насколько это позволяют его филологические способности и представление о том, каким должен быть текст. Талантливый рассказчик, услышав упрощённую версию сюжета, может наполнить её деталями. Его слушатели воспримут обогащённый вариант, и сюжет снова начнёт прорастать в сознании разных людей, насыщаться деталями или, напротив, упрощаться.

Важно, что корякская повествовательная традиция допускает индивидуальное вмешательство в текст. На примере анализа эпизодов сказки «Куткыннюку и мыши» мы видим, что рассказчики свободно обращаются с услышанным текстом, поэтому вещный мир сказок вариативен. Упрощение или даже полная утрата некогда значимых элементов и сокращение эпизода происходит не одномоментно. Дело не только в изменении хозяйственного уклада. Многое зависит от сохранности локальной повествовательной традиции, от особенностей памяти и повествовательной манеры конкретного рассказчика. Более ранний вариант может быть менее подробным, чем более поздний, так как в процессе сохранности сюжетов и эпизодов время не является определяющим фактором. Приведём фрагмент из текста, записанного в 1992 г. от Василия Николаевича Чечулина, 1942 г.р., уроженца с. Анапка Карагинского района:

Идет Куткыннюку. Дошел до речушки, сильно захотел пить. «Попью-ка я».

Только взглянул, так увидел татуированную женщину. «Здравствуй, красавица!» Молчит. Оказывается, разрисован вот здесь (на щеках) Куткыннюку. В татуированную женщину его [мыши] превратили. «Здравствуй, красавица». Тишина. «Что такое, красавица? Подожди, красавица, за одеялом схожу. Жди».

– Вот, Мити, мешок с толкушей. Где подстилка? Дай мне одеяло.

– Куда? – [спрашивает Мити].

– Туда, на речку, к татуированной женщине пойду.

– Зачем ты изрисовал лицо?

– Хватит, быстрее дай мне толкушку, камень для толчения, доску для выделки, скобллку для выделки, копыя, подстилку и одеяло дай мне.

Все это бросил: «Посмотрю-ка в реку. Татуированная женщина на прежнем ли месте?» Заглянул: на прежнем месте. [Куткыннюку] на себя смотрит разрисованного. «Здравствуй, красавица!» Тишина. «Это богатых [дочка], скромная девушка, не разговаривает. Вот, красавица, палка для скобллки». Всплыла. «Обеспеченных родителей дочка, отец умеет рукодельничать. Зачем она ей

(палка для скоблilки)? Не взяла она ее. Вот тебе доска для выделки икур». Тоже всплыла. «Ик, потому что отец умеет рукодельничать. Зачем она ей? Вот тебе, красавица, подстилка». Подстилка тоже всплыла. «Ик, потому что отец добычливый. Зачем она ей, подстилка? Вот, красавица, одеяло». Тоже всплыло. «Умеет шить, поэтому думает: “Новое сошью одеяло”. Вот, красавица, камень для толчения. Камень утонул. [Значит, она] дочка охотника на диких оленей, предусмотрительная, думает: “Этот [камень] возьму для толчения костей”. Вот пестик». Пестик утонул. «[Значит, она] дочка охотника на диких оленей, поэтому [пестик], дробящий кости, взяла. Вот, красавица, [я] сам» [Архив Мальцевой: т. 80; вар. XI].

Представленный фрагмент – самый подробный вариант эпизода V. Принятие или непринятие каждого подарка обыгрывается рассказчиком. В исполнении В.Н. Чечулина диалог Куткыннюку с мнимой женщиной чрезвычайно насыщен деталями. Чем обусловлена высокая степень детализации? Чтобы ответить на этот вопрос, надо иметь несколько (как можно больше) вариантов данного сюжета, записанных конкретно в п. Оссора, а также в п. Анапка Карагинского района, где В.Н. Чечулин родился. Имея ряд вариантов одного и того же текста, записанных в одном и том же селе, можно было бы рассуждать об особенностях локальной фольклорной традиции и индивидуальной повествовательной манере. Однако подобных зафиксированных вариантов у нас нет, и наш вопрос остаётся без ответа.

В финальном эпизоде сюжета «Куткыннюку и мыши» Куткыннюку сватается к своему отражению в воде. Нырять в воду, он тонет, хотя в других сюжетах он легко путешествует по подводному миру. Принципиальное отличие заключается в том, что в сюжете «Куткыннюку и мыши» подводный мир изображается как неживой, не заселённый живыми существами, пустота:

Кутх обрадовался:

– Нет у нее (каменного пестика), коль себе взяла!

Затем сам в прорубь нырнул. И под лед ушел. Кричал, кричал, да так и утонул. [Смышляев 2013: 139; вар. XVIII].

[Куткыннюку] камень для толчения бросил, тот утонул. «Смотри-ка, наверное, у нее нет камня». Себя бросил. «Вот, красавица, я сам». Бросился сам, на спину упал. Понесло его водой. Несет водой. Смотрит на небо. «Куда же идет небо?» Потом утонул. Утонул он [Архив Мальцевой: т. 19; вар. XIII].

Он [Куткыннюку] прыгнул в воду, его река тоже унесла. «Ой, небо кружится!» Но это он плыл по воде. «Небо кружится, небо качается!» Потом утонул [Johelson 1908: t. 130; вар. III].

И вот Куткыннюку в воду бросился. Что-то стало тащить по течению Куткыннюку. Потом унесло отливом, выбросило там же на берег моря [Жукова 1988: т. 47; вар. IX].

В некоторых вариантах сказки вымокший Куткыннюку в очередной раз становится посмешищем в глазах своей семьи:

Он [Кутка] чуть не утонул и только с большими усилиями и трудом выбрался на берег. И когда он, весь мокрый, пришел в свою юрту, жена и дети основательно посмеялись над этим фразом [Стеллер 1999: 153; вар. I].

И упал [Куткыннюку] в реку. Стал уплывать: «Мити! Что же мне делать?» Вот так. Потом вылез, пошел домой. Пошел домой. Пришел домой. Мити его увидела: «Куткыннюку, умойся, все лицо измазано» [Архив Мальцевой: т. 137; вар. XVI].

Пришла Мити на берег моря. Видит: полог с палками волной выбросило. Развязала полог, а там Кукки [Меновщиков 1974: т. 119; вар. X].

В большинстве вариантов сюжета сказки «Куткыннюку и мыши» эпизод о сватовстве Куткыннюку к своему отражению в воде является финальным.

Есть несколько зафиксированных нымыланских вариантов сказки «Куткыннюку и мыши», в которых эпизод о сватовстве Куткыннюку к своему отражению в воде – очередное звено в цепи приключений Большого Ворона. В этих вариантах (вар. II, XI, XII, XIV) после неудачного сватовства к своему отражению Куткыннюку течением относит к незнакомому берегу. Там он находит невесту для своего сына. Интересно, что все эти четыре варианта записаны в разное время и в разных сёлах, но все – от береговых коряков: II вариант – с. Каменское Пежинского района (1900 г.), XI вариант – п. Оссора Карагинского района (1992 г.), XII, XIV варианты – с. Вывенка Олюторского района (2004 г.). Значит, в повествовательной традиции оседлых коряков до сих пор существует, как минимум, два варианта сюжета «Куткыннюку и мыши». Согласно одному варианту – сказка

заканчивается тем, что Куткыннюку тонет, согласно другому – Куткыннюку течением прибывает к незнакомому берегу, где он ищет невесту для своего сына. Те варианты, в которых отсутствует эпизод VI, не следует оценивать как сокращённые. Это не обязательно так. В фольклоре береговых коряков два варианта сюжета существуют параллельно. Однако в фольклорной традиции оленных коряков, кереков, ительменов второй (удлинённый) вариант сказки если и присутствовал, то совершенно не сохранился, даже в ранних записях, начиная с первой записи ительменского фольклора, произведённой Г.В. Стеллером в 1741 г.

Об особенностях бытования сюжета «Куткыннюку и мыши» у кереков мы можем судить только по одному варианту, который записал в 1970 г. В. В. Леонтьев. В этом варианте (X) присутствуют эпизоды I, II, IV, V. По составу эпизодов керекский вариант ближе всего к ительменским вариантам сюжета, однако этого нельзя утверждать, имея в распоряжении всего один керекский текст. С исчезновением керекского субэтноса исчез и керекский фольклор.

Варианты сюжета «Куткыннюку и мыши», записанные от кочевых коряков, содержат неполный состав эпизодов, последовательность эпизодов варьируется, эпизоды не развернуты. В повествовательной традиции кочевых коряков сказки о Куткыннюку не были настолько популярны, как у береговых коряков. Одна из наших собеседниц, Лилия Александровна Аймик (уроженка верховий р. Пахачи, 1971 г. р.) вспоминала, что в её детстве сказки о Куткыннюку не рассказывали, она их не слышала. Вероятнее всего, сюжет «Куткыннюку и мыши» был заимствован оленными коряками у оседлых коряков, а, будучи заимствованным, он под влиянием изменений в культурной жизни коренного населения в середине XX в. не закрепился в традиции. Сюжет «Куткыннюку и мыши» до сих пор сохранился у всех аборигенных народов Камчатки, но степень сохранности сюжета сильно различается.

Высокая сохранность сюжета наблюдается у оседлых коряков (в особенности у коряков-алюторцев). Для нымьланской фольклорной традиции в большей степени, нежели для других этнических и субэтнических повествовательных традиций Камчатки, характерен мотив поиска подходящей невесты для Амамкута (сына Куткыннюку). Даже сказка «Куткыннюку и мыши», казалось бы, совершенно не имеющая отношения к этой теме, благодаря финальному VI эпизоду вписана в традиционный для нымьлан фольклорный контекст, согласно которому финал сказочных приключений – счастливая женитьба Амамкута.

В ительменской традиции сюжет значительно упрощается, количество эпизодов сокращается до минимума (иногда до одного). Возможно, это связано с тем, что ительменская культура очень рано (уже в XVIII в.) начинает подчиняться русскому влиянию. Ительменская культура начинает вытесняться, т.е. этническая повествовательная традиция не получает развития, а живёт только отголосками прошлого: язык исчез, сюжеты и эпизоды сокращаются. Сейчас на Камчатке предпринимаются попытки возродить традиционную ительменскую культуру в её сценическом бытовании, возможно, это отразится и на повествовательной традиции.

Сведения о фольклорных текстах, использованных в статье

Архив Мальцевой: т. 4 – рассказала Васагиргина Вера Васильевна, 1944 г.р., родилась рядом с с. Вывенка Олюторского района. Текст записан экспедицией ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Аудиозапись расшифрована и переведена с алюторского языка А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

Архив Мальцевой: т. 19 – рассказала Камак Мария Васильевна, 1958 г.р., уроженка с. Вывенка Олюторского района. Записано экспедицией ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Текст расшифрован и переведён с алюторского языка А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

Архив Мальцевой: т. 43 – рассказала Мулитка Анна Егоровна, 1926 г.р., уроженка с. Вывенка Олюторского района. Записано экспедицией ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Текст расшифрован и переведён с алюторского языка А.А. Мальцевой при участии А.Е. Мулитки в с. Вывенка в 2004 г.

Архив Мальцевой: т. 80 – рассказал Чечулин Василий Николаевич, 1942 г.р., уроженец с. Анапка Карагинского р-на. Записано совместной экспедицией ИФЛ СО РАН и НГК им. М.И. Глинки п. Оссора Карагинского района в 1992 г. Текст расшифрован и переведён на русский язык А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

Архив Мальцевой: т. 137 – рассказала Белоусова Варвара Кондратьевна, 1930 г.р., уроженка с. Лесная Тигильского р-на. Записано экспедицией ИФЛ СО РАН в п. Палана Тигильского района в 2006 г. Текст расшифрован и переведён с алюторского языка А.А. Мальцевой при участии Е.Г. Ягановой в п. Палана в 2007 г.

Жукова 1988: т. 17 – рассказал Кычгэнка Геннадий Ночавич, 1939 г.р., уроженец с. Белоголово Тигильского р-на. Записала на корякском и перевела на русский язык А.Н. Жукова в 1960–1970 гг. Место записи не указано.

Жукова 1988: т. 47 – рассказала Лазарева Анастасия Ивановна, 1938 г.р., уроженка о-ва Карагинского. Записала на корякском и перевела на русский язык А.Н. Жукова в 1960–1970 гг. Место записи не указано.

Малюкович 2001: с. 57–60 – сведений о рассказчике нет. Записал В.Н. Малюкович в 1960–1970-е гг. Место записи не указано. Текст опубликован на русском языке.

Меновщиков 1974: т. 119 – рассказала Е. Кальгичану, 1916 г.р., уроженка с. Майныпильгино Беринговского р-на. Записал на керекском языке В.В. Леонтьев в 1970 г. на рыбалке Куэт. Перевёл с керекского языка на русский В.В. Леонтьев совместно с Е. Хатканой.

Меновщиков 1974: т. 180 – рассказал П.П. Шадрин, 1895 г.р. Записала Н.К. Старкова в с. Ковран Тигильского района в 1964 г. Текст опубликован на русском языке.

Орлова 1999: с. 154–155 – рассказал М. Заев в 1929 г. Записала на ительменском и перевела на русский язык Е.П. Орлова. Сведений о месте и времени записи нет.

Симонова 2010: т. 12 – рассказала Симонова (Кергильхот) Александра Алексеевна, 1951 г.р., уроженка с. Ветвей Олюторского р-на. Записали Т.А. Голованева и А.А. Мальцева в п. Нагорный Петропавловского района в 2010 г. Аудиозапись расшифрована и переведена с корякского на русский язык Т.А. Голованёвой совместно с Е.П. Прониной в г. Петропавловске-Камчатском в 2011 г.

Смышляев 2013: с. 136–139 – сведений о рассказчике, времени и месте записи нет. Записал на русском языке А.А. Смышляев.

Стеллер 1999: с. 151–153 – сведений о рассказчике нет. Записано Г.В. Стеллером в 1741 г. предположительно около р. Тигиль (точного указания нет). Текст опубликован на русском языке.

Успенская 2004: т. 2 – текст представляет собой самозапись Успенской Валентины Ивановны, 1941 г.р., уроженки с. Седанка Оседлая Тигильского р-на. Текст записан на ительменском и переведён на русский язык В.И. Успенской в г. Петропавловске-Камчатском в 2004 г.

Bogoraz 1917: т. 2 – сведений о рассказчике и месте записи нет. Записал на корякском языке и перевёл на английский В.Г. Богораз в 1901 г. Текст опубликован на корякском и английском языках.

Johelson 1908: т. 88 – рассказала Па'џа, жительница с. Каменское. Записал В.И. Иохельсон в с. Каменское Пежинского района в 1900 г. Текст опубликован на английском языке.

Johelson 1908: т. 130 – сведений о рассказчике нет. Записал В.И. Иохельсон на р. Апука в 1901 г. Текст опубликован на английском языке.

Архив Мальцевой – Архив фольклорных текстов, записанных в ходе экспедиций ИФЛ СО РАН 1992–2010 гг., а также лично А.А. Мальцевой, ведущим научным сотрудником сектора языков народов Сибири ИФЛ СО РАН. Расшифровка аудиозаписей и перевод текстов с алюторского на русский язык произведены А.А. Мальцевой при участии коряков-алюторцев.

Жукова А.Н. Материалы и исследования по корякскому языку. Л., 1988.

Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб., 1997.

Малюкович В.Н. Кутккыннюку. Сказки и мифы карагинских, апукинских, алюторских, анапкинских коряков. Петропавловск-Камчатский, 2001.

Меновщиков 1974 – Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки / Сост., предисл. и прим. Г.М. Меновщикова. М., 1974.

Орлова Е.П. Ительмены. Историко-этнографический очерк. СПб., 1999.

Смышляев 2013 – Большая книга сказок Камчатки / Автор-сост. и редактор А.А. Смышляев. Петропавловск-Камчатский, 2013.

Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1999.

Успенская В.И., Голованёва Т.А. Ительменский фольклор. Ительменская разговорная речь. Петропавловск-Камчатский, 2004.

Bogoraz W. Koryak texts. Leyden, 1917.

Johelson W. The Koryak. Leiden, 1908.